



СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Цикл Николая Дронта

В ТУ ЖЕ РЕКУ

В ту же реку

В ту же реку. Начало пути

Николай ДРОНТ



В ТУ ЖЕ РЕКУ НАЧАЛО ПУТИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Д75

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 170

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Дронт, Николай
Д75 В ту же реку: Начало пути: роман / Николай
Дронт. — Москва: Издательство АСТ; Издательский
дом «Ленинград», 2019. — 384 с. — (Современный
фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-115311-3

«Начало пути» — вторая, но отнюдь не заключительная часть приключений смышленного и находчивого камчатского паренька Лехи Кострова.

Как вы помните, телом и сознанием Лехи завладел... он сам, только на 50 лет старше. Постарался использовать по назначению весь полученный жизненный опыт и знания, всю информацию о событиях прошлого. И в результате у девятиклассника из далекого северного поселка есть все, о чем только можно мечтать. Арсенал прекрасного огнестрельного оружия — от винтовок до наганов. Арсенал роскошной фототехники — от «Лейки» до «Никона». Полный, идеально сработанный набор инструментов взломщика. Два автомобиля. Дом на южном курорте. Десятки тысяч советских рублей на счету, кое-что в бонах, куча золота в червонцах и ювелирке. Настоящий миллионер! Мало того, с ним советуются совсем нешуточные милицейские чины и водят дружбу уголовные короли, делятся знаниями старые тертые жулики и честные работяги.

Но парень взрослеет, а живые люди влюбляются, ссорятся, подставляют и выручают друг друга. Все всамделишно, все достоверно, даже снег хрустит под ногами!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-115311-3

© Николай Дронт, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

КОНЕЦ ОСЕНИ

08.10.1972

Чай не пьем без сухарей,
Не едим без сдобного,
Кто сказал, что плохо мы живём?
Ничего подобного!

Застольную песню тянут от всей души и, главное, громко. Опять забыли, что я сплю, и разбудили своим ором. Это Камчатка, я там жил с родителями, пока не закончил школу. Стоп! Не понял! Опять?! Господь с ней, с Камчаткой! Какое вообще сейчас число? Уф... Отлегло... А я уж было испугался, что вновь переместился в конец апреля. Но нет, сейчас 8 октября 1972 года. Сегодня вернулся из поездки на материк. Друзья семьи немного отметили мое пришествие, посмотрели привезенные подарки, рассказали поселковые новости и разошлись. Почти все... Самые стойкие еще отмечают... Изверги! Нормально поспать не дадут. Главное, самим же завтра на работу! Утром будут стенать и жаловаться на плохое самочувствие.

В голове теснятся воспоминания. На Камчатке я, Лёха Костров, жил с мамой и отчимом до окончания школы. В следующем месяце мне стукнет

шестнадцать лет. Отчим, дядя Володя, — начальник геологической экспедиции, мама тоже работает в камералке. Сюда мы приехали из Москвы больше трех лет назад и года через полтора уедем обратно. После переезда я окончил институт, работал в НИИ, женился, завел сына. Потом загранкомандировки. За время моего отсутствия жена нашла себе партию получше. Развод, новый брак, дочка. В лихие девяностые чем только не занимался, лишь бы выжить и прокормить семью. В двухтысячных жизнь наладилась. Работал до пенсии. Потом остался один, никому особо не нужный и не интересный старик, без дел и без смысла в жизни. Друг предложил рискнуть, провести эксперимент, и я вернулся в детство.

Проснулся ночью 22 апреля 1972 года на Камчатке под ту же песню, что и сегодня, в дальнем посёлке, на тысячу с лишним километров севернее Питера, то есть Петропавловска-Камчатского. В тот год я учился в восьмом классе, даже был отличником. Правда, из-за порока сердца с первого класса освобожден от физкультуры, за что недоброжелатели прозвали Дистрофиком и Дохлым. Нормальные ребята звали Костёр и Вумный, а вскоре после возвращения из санатория появилось новое погоняло — Писарь. Один авторитет нарёк за умение работать ножом. Владению ножом, нунчаками и еще кое-каким навыкам самообороны научился в начале девяностых у тренера в подвальной секции. Чтобы избавиться от сколиоза, с седьмого класса занимаюсь йогой, а в институте увлёкся ушу и тренировался до последних дней. Ничего боевого, только оздоровительные и медитативные практики.

Что имею в плюсе? У меня хорошая память, неплохо лажу с людьми и могу быть убедительным в разговоре. По профессии я неплохой программист, хотя сейчас оно неактуально. Немного умею переплетать книги, натренировался на заброшенной библиотеке. Слесарь-инструментальщик разряда эдак третьего. За несколько месяцев дядя Витя меня неплохо обучил слесарке. Заодно он же преподавал основы воровской профессии скокаря-медвежатника. Типа в жизни всякое пригодится. Еще я фотограф уровня сельского дома быта. Самуил Яковлевич, поселковый фотомастер, натаскал. Не бесплатно, правда. Кроме русского владею корякским, идиш, английским, немецким, венгерским и китайским языками. Стреляю из малокалиберного ружья и пистолета на уверенный первый разряд. Имею довольно много денег и кое-какое оружие.

Недостатки тоже имеются в количестве... Самый серьезный — порок сердца, точнее два: незаращение межпредсердной перегородки и недостаточность митрального клапана. Из-за них меня даже в армию не взяли. Хотя сейчас сердце почти не беспокоит, а в тридцать вовсе перестал про него вспоминать. Может, заматерел, а может, потому, что не пью и не курю, причём совсем. За всю прошлую жизнь выпил пару бутылок шампанского, половину стакана пива, и лет в четырнадцать мама налила мне в пробку коньяку попробовать. Не понравилось, кстати. Пахнет ничего, а на вкус едкая маслянистая гадость. И по мозгам бьет. Курить даже не пробовал, и к запаху табака безразличен. Говорят, его не переносят те, кто курил, но завязал с никотином. Сколько дел можно было бы решить в курилке или распив бутылочку в тёплой компании!

С музыкальным слухом не очень. В аттестате за пение стоит вежливый зачёт, он скрывает честный трояк. Хотя отчим научил играть на гитаре. Могу изобразить не только блатняк, но и попсу, и туристские песни. В кураже да под настроение даже цыганочку с выходом получится забавлять, не говоря уже про романсы. Помню тексты многих модных шлягеров, но песнями из будущего светить не собираюсь. Оно мне надо? На эстраду не лезу, становиться поэтом-песенником тоже не желаю, а давать лишний повод для размышлений просто глупо.

С концентрацией беда. Не плохо, скорее наоборот, опять же медитация помогает. Но как задуматься, не обращаю внимания на внешний мир, меня можно просить о чём-то, говорить со мной, а я ничего толком не помню. Бывает, задумавшись, иду — и на окружающих ноль внимания. Так раз несколько чуть не попал под машину, а однажды в Венгрии — даже под поезд.

Как вернулся в прошлое, сразу стал думать, как что-то поменять в будущем страны. Однако очень не уверен, что пацан из глубинки сможет сделать что-то серьезное. Я не историк, не обладаю абсолютной памятью. Всё, что помню, прочувствовал на своей шкуре или вычитал в интернете. Знаю, и то смутно, про пару-тройку предателей тех лет. Вот, например... Белянский? Беленко? Белянчиков? В 1976-м улетел к японцам. Хотя ходили слухи, что это спецоперация, которую курировал прилетевший в тот момент на Дальний Восток лично маршал Савицкий. А что? Вполне могло быть. Сдали систему «свой-чужой», которую всё равно собирались заменить, а под шум

скандала выбили из правительства деньги на модернизацию авионики.

Помню, кто-то в КГБ фотографировал архив и потом... вроде кому-то пытался его продать... кажется... О! Писатель Суворов! Резидент нашей разведки. В 1978 году сбежал в Англию. А настоящая его фамилия... не помню... Начинается на букву «Р». Ревун, а может, Резус... Или вот еще человек...

Ну почему я больше программизмом, ушу и кландами интересовался? Да и в международных делах не очень ориентируюсь. Зато наизусть помню, как снять деньги со счета крупного мафиозного семейства. Правда, до 1982 года и обязательно с удалённого терминала. В книжке в свое время вычитал и номер счёта, и пароль. Тогда секретность передачи данных была в зачаточном состоянии, про хакерство широкие массы даже не слышали. А автор на конкретном примере рассказывал, как выкачали деньги. Кстати, там и другие примеры взломов были описаны. Очень нехило можно было бы навариться. Правда, остаток жизни придется скрываться от мафии.

Не! В теории можно застрелить виновников развала СССР. Горбачёв сейчас в Ставропольском крае, Ельцин в Свердловске, оба мелкие фигуры. Это Шеварднадзе не достать, он первый секретарь компартии Грузии, у него охрана. Наверное. Я ничего про устройство терактов не знаю даже теоретически, однако уверен в профессионализме КГБ. Книжки про альтернативную историю читал, но там народ больше Сталину / Брежневу / высокому чину советы дает. Указаний типа «в 14 часов 13 минут 26 августа кинь гранату в третье окно справа второго этажа дома по

адресу такому-то, и наступит в СССР полное счастье» не видел. Хотя, может, был список таких ситуаций в каком-нибудь «Наставлении для попаданца-террориста»? Правда, бродит у меня в голове идея — подсунуть паре сволочей золотишко и стукнуть в партконтроль. Сесть гады не сядут, но осадочек останется.

Однако не верю, что, убрав пару-тройку одиозных личностей, можно спасти СССР. Народ наелся пустых обещаний от бормотологов и захотел назад в Советский Союз только после полного ограбления населения дерьмократами и разгула лихих девяностых. До того народ искренне верил в адекватность перемен.

Ладно, хватит. Для себя решил — сделаю что смогу. Только надо самому очень сильно постараться хоть чего-то достичь, чтобы хоть что-то смочь. Ведь когда вернулся, кроме знаний, ничего не было, а за полгода кое-чего достиг. С деньгами у меня стало очень прилично. Оружие кое-какое имеется. Связи на уровне района завелись. Награждён медалью. Оно, конечно, полезно и приятно, но столько внимания к себе привлёк, мама не горюй. Даже КГБ зачем-то мною интересуется. А вот надежных друзей-соратников нет, причем совсем.

Ночь берет свое. Глаза сами закрываются. Мысли двигаются всё тише и тише. В полусне мелькают события последних месяцев.

В новой жизни сохранил знания из прошлого будущего. Кроме событий новейшей истории помню несколько схронов в посёлке, несколько кладов в Москве и кое-какие случаи из поселковой жизни. На следующий же день после возврата в юность, вспомнив былое, спас почти замёрзшего Петра Петровича Пантелеева. Тот оказался авторитетным

старателем, по прозвищу Чалдон, и в благодарность обеспечил мне хороший старт в новой жизни. На следующий же день я получил в подарок больше тысячи рублей, нереально огромные деньги для подростка в то время. Кроме того, меня взяли в потребкооператив на работу художником, практически синекуру, выписали промысловый охотничий билет, снарядили для охоты и стрелковых соревнований. Словом, наградили по полной программе.

Правда, пришлось спрятать вещи дяди Пети. Записную книжку, наган и чекушку с золотым шлихом. Чуть позже к ним добавились два ружья и охотничье снаряжение. Чалдон в областную больницу лег, с почками у него плохо стало. Попросил сохранить, а если помрет, взять себе на память. Я согласился, конечно. Таким людям не отказывают.

На Первомай проверил другое воспоминание. Годом ранее убили пограничников, их автоматы использовали летом при ограблении сберкасс. Потом прошёл слух про тайник, где хранили оружие. Тогда мы с друзьями лазили его смотреть. Правда, уже пустой. Когда в новой жизни открыл захоронку, автоматы еще лежали там. Себе их брать не стал, рассказал о тайнике пограничникам. Убийц схватили, а я стал лучшим другом офицеров всего погранотряда. В сентябре даже наградили медалью «За отличие в охране государственной границы СССР».

Стрелять из малокалиберной винтовки начал еще в седьмом классе. Задатки были, в начале 1972 года занял первое место по школе и прошел на районные соревнования. Там, правда, не блистал, но в новой жизни, с подаренной, не побитой многими поколениями стрелков винтовкой, уверенно взял первое место среди

школьников. Районная администрация высоко оценила результат и быстро приспособила меня к делу. В качестве награды за победу мне вручили спортивный пистолет Марголина и охотничий карабин КО СКС, в девичестве боевой самозарядный карабин Симонова, доработанный почти до идеала. Марголин планировался для областных соревнований, а вот карабин был необходим для престижных окружных пострелушек среди охотников-промысловиков. Оленеводческий совхоз вместе с охотхозяйствами оплачивал призы и прочие расходы. Районные начальники друг перед другом надували щёки и мерились крутизной стрелков. Наш район давно не побеждал. Вот мне и устроили двухнедельную тренировку на стрельбище при погранзаставе под руководством тренера-пограничника. Сказали: «Не подведи!» — и отправили на соревнования. Я не подвел, занял два первых места и дал повод наградить ценными подарками. Правда, за счет Петра Петровича. Мотоцикл «Ява-350», автомобиль ГАЗ-69 и фотоаппарат «Пентакон».

Еще с того мне выпала путевка в южный санаторий. Но по пути я должен был передать знакомому Чалдона посылку и оформить на себя домик в Туапсе. Домик... оформить на себя... в неполные шестнадцать лет... Вполне возможно. Мне дали полный комплект документов на восемнадцатилетнего коряка. Милутов Кайнын Выкванович, так зовут мое второе я. И из пистолета, оказалось, тоже учили стрелять не просто так. Для обороны груза был выдан малокалиберный «Вальтер ППК», оформленный как спортивный пистолет.

С приключениями доехал до Москвы, где на вокзале меня должны были встретить и забрать чемо-

даны. Однако не встретили и не забрали. Хорошо, я москвич, отвез груз домой. Зато в Туапсе у санатория меня ждал знакомец. Сказал, что ничего не случилось, однако спрашивал, не передавал ли я кому чего. Ничего не ответила золотая рыбка, я то есть, и ушёл человек несолоно хлебавши.

Как велено, на себя оформил дом. Тут другой знакомый появился, про первого спрашивал. Тут-то мне и сообщили про Чалдона. Помер старик, а его охотничье снаряжение мне в наследство осталось. А когда домой вернулся, в прикладе ружья завешание нашёл. Заодно и место, где наследство спрятано. Отрыл его, конечно. Не бросать же. Когда в Питер доехал, дал денег на хороший памятник и поминальные молитвы.

Потом случилась двухнедельная поездка на ВДНХ. Заодно по просьбе знакомого побывал в Калининне. Тоже не без приключений, но всё хорошо, что хорошо кончается. Вернулся, и просьбу выполнил, и, что просили, привёз.

А вот в Питере Чалдон подошел. Плохо выглядит дядя Петя, однако живой и на меня не обиженный. Клад себе разрешил оставить. Только чемоданы велел вернуть, да я и не претендовал на их содержимое, даже не знаю, что там лежит.

Завтра в школу. С Котёнком надо расставаться, пока отношения не слишком серьёзные. Уж больно она замуж за меня хочет выйти. Ирка тоже непонятно себя ведет, вроде расстались, а она продолжает временами глазки строить. Соне письмо написал, та не ответила, только через маму привет передала. Эх, трудно быть подростком! Хотя значительно лучше, чем стариком...

09–11.10.1972

Утром в школу. Мне нагонять придется, я, считай, три недели гулеванил. Идем вместе с Котенком. Нам с ней вчера толком поболтать не удалось, взрослые мешали, обещала сегодня зайти. Жует подаренную жвачку и несет косметику в портфеле. Понятно, похвалиться подружкам хочется, все девчонки любят краситься, а уж импортный набор точно обсудить должны. Катьку одноклассницы сразу окружили, шушукаются. На меня посматривают. Хихикают. Одно слово, девчонки.

Ребята, как всегда, стоят перед школой на месте обычного сборища. Лётчику отдал блок жвачки. Мой адъютант как-никак, ему подарок положен. Пусть своих друзей угостит. Попик и Семя тоже жвачку получили. До конца восьмидесятых она, как и джинсы, крайний дефицит.

Еще кинул Пушкину на общак блок «Кента» и упаковку пива в жестянках. Пацаны в полном восторге. Пробовать сигареты и пиво из банок они решили вечером, чтобы с удовольствием, а не наспех. Им тоже пришлось объяснить, как такие банки открываются.

Отозвал Василия в сторонку, интересуюсь:

— Генку в Питере приняли, ты в курсе?
— Слышал. А тебе чего?
— Жалко пацана. Чуток подогреть хочу.
— Ну, для такого дела дорогу сделаем. Батю попрошу, но понимаешь...

— Понимаю, — достаю сверток. — Тут штукарик. Две с половиной сотни за доставку до кичи. Третью от остатка возьмут за доставку до хаты. Значит, пять сотен отдадут Генке в руки. Половину полученного

он на общак зашлет, две с половиной сотни ему на прожитие останутся.

Василий не ожидал такой суммы. Сразу стал серьезным.

— Писарь, ты козырный пацан, расклады знаешь. Тебе уважуха, до кичи бесплатно дорогу построим, можешь дорогу не считать.

— А что, за колючкой бабки лишними будут?

— Лишними точно не будут, — хмыкнул Пушкин.

— Тогда еще конфеток чуток пусть передадут.

Я тут принес.

Достаю из кармана кулек простых весовых карамелек. Пацаны из Васькиного окружения, понятно, разговор слушают, смотрят круглыми глазами. Офиговают от сопричастности. Воровские романтики... слов приличных нет. Могли бы сами грёв подогнать, Генка с ними тёрся. Беру конфету и складнем режу по рисунку напополам. Из середины изымаю варенье. Вкладываю полоску кальки с малявой: «Гена! С пожеланиями добра и здоровья шлёт тебе весточку Писарь. По возможности тебе и твоим друзьям, достойным арестантам, посылаю чуток грёва. От души желаю удачи, крепкого здоровья, хороших друзей и скорой свободы. Лёха Писарь».

Пока карамелькой занимался, пацаны письмо прочитали. Любопытные больно, но пусть, секретного ничего там не написано.

— Зачем Лёха некоторые слова подчеркнул? — шепчет кто-то.

— Людское подчеркивают раз, воровское два раза, мусорское и гадское двумя волнистыми. Принято так, — весомо объясняет Пушкин. — Писарь тему сечёт. Всё по-положенному делает.